

<https://doi.org/10.38129/Ann.Yur.Ist.2021.5.2.52>

УДК 347.218.2+347.218.33+347.233.5

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО ОХРАНЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

ДМИТРИЙ КОЗЛОВСКИЙ (Санкт-Петербург, Российская Федерация) *

Древности на антикварный рынок попадали разными путями. Отсутствие эффективного охранного законодательства и высокий спрос на древности российского происхождения привели к повсеместным грабительским раскопкам городищ и захоронений. Торговцы перепродавали находки за большие суммы собирателям и представителям музеев: Императорского Эрмитажа, Исторического музея и хранилищ юга России. Но местными предпринимателями, чиновниками и помещиками также проводились и организованные раскопки. Представители ИАК¹ и музеев выкупали частные коллекции, а также отдельные находки у местных жителей и торговцев. Масса особо ценных находок вывозилась за рубеж. К началу Первой мировой войны так и не были пресечены, даже на бумаге, бесконтрольные раскопки и торговля древностями.

Торговля археологическими древностями достаточно хорошо изучена в зарубежных исследованиях². На русском языке существует ряд исследований в смежных областях. В работах И. Л. Тихонова исследуется тема о приобретениях наиболее ценных коллекций археологических древностей в рамках деятельности Эрмитажа и Императорской археологической комиссии³. Торговля менее значимыми находками, как правило, рассматривается в

¹ ИАК – Императорская археологическая комиссия.

² Shaw W., *Possessors and Possessed. Museums, Archaeology, and the Visualization of History in the Late Ottoman Empire*, University of California Press, 2003. P. 283; Merryman J. H. *Imperialism, Art and Restitution*, Cambridge; New York. Cambridge University Press, 2006. P. 267; Reid D.M. *Whose pharaohs? Archaeology, museums, and Egyptian national identity from Napoleon to World War I*. Berkeley; London: University of California Press, 2002. P. 410.

³ Тихонов И.Л. Археология в Императорском Эрмитаже. РАЕ. №4. СПб: 2014. С. 427-479.

контексте деятельности ИАК и археологических экспедиций. В качестве примера можно привести статьи Н. С. Николаевой⁴ и М. Х. Багаева⁵. В работах С. В. Михеевой детально исследуется охранное законодательство⁶. Но в гораздо меньшей степени исследователями изучается непосредственно добыча древностей для продажи, торговля ими в разных регионах Российской империи и практика применения охранного законодательства. Данная тема частично освещается в статьях А. С. Ахметшина⁷ и А. В. Шаманаева⁸.

До конца 1850-х годов добыча древностей даже на государственных землях мало чем сдерживалась. В вопросе охраны древностей власти руководствовались *статьей 430, которая содержится в X томе Свода законов Российской империи от 1857 года*, где говорилось: «Клад (сокрытое в земле сокровище) принадлежит владельцу земли и без позволения его не только частными лицами, но и местным начальством отыскиваем быть не может». В Черниговской и Полтавской губерниях, если клад найден случайно на чужой земле, то клад делится пополам между нашедшим и владельцем земли. Однако, в примечании к закону указывалось, что «никто без дозволения местного начальства не имеет права искать древности на землях казенных и общественных»⁹.

А 5 пункт 457 статьи того же тома гласил: «Всякий нашедший в земле казенных имений древние монеты, оружие и другие достопримечательные вещи, обязан предоставить их местному сельскому или волосному начальству.

⁴ Николаева Н. С. Роль Археологической комиссии в формировании музейных собраний во второй половине XIX в. Вопросы музеологии. 2013 № 2 (8). С. 112–121.

⁵ Багаев М. Х. Опыт изучения памятников скифо-сарматского и раннесредневекового времени горной Чечни и Дагестана в XIX в. Известия вузов. Северо-кавказский регион. Общественные науки. Приложение. 2005 №12. С. 25–33.

⁶ Михеева И. В. Правотворческая деятельность Министерства внутренних дел Российской империи по охране памятников истории и культуры в XIX – начале XX века (историко-правовой аспект). Монография. М.: Издательство: Растр-НН, 2009. С. 156.

⁷ Ахметшин А. С. Законодательство по охране памятников культуры в России XIX – начала XX вв. и практика его применения. Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013 № 2 (35). С. 27–33.

⁸ Шаманаев А. В. Вопросы охраны культурного наследия на всероссийских археологических съездах (вторая половина XIX – начало XX в.): монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 199.

⁹ Свод Законов Российской Империи. Том X: 1857: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://runivers.ru/bookreader/book388202/#page/88/mode/1up> (дата обращения 25.01.2021)

Через то же начальство получить награду». В следующих пунктах указывалось, что местное начальство предоставляет находки окружному начальству, которое передаёт их в Палату государственных имуществ, а оттуда они должны поступать в Академию наук¹⁰.

Часть находок местные органы власти вполне официально могли оставить у себя. Так произошло в 1853 году с кладом монет, найденными крестьянским мальчиком около села Койлов Полтавской губернии. Клад был передан окружному начальнику, а он направил 305 монет в Полтавскую палату государственных имуществ, но выше по инстанции была передана уже только 291 монета, а 14 монет «были оставлены для кабинета Палаты»¹¹.

В 1860 году из переписки Екатеринославской палаты Государственных имуществ стало известно, что из 93 каменных статуй, имеющих местное название «каменных баб», обнаруженных за 1859 год в Причерноморье, несколько, вместо того, чтобы по ходатайству Одесского общества истории и древностей отправить в музеи для снятия рисунков, были размещены в садах Волостных правлений¹².

Важнейшим событием в деле охраны археологических памятников России стало создание Императорской археологической комиссии. Учреждённая 2 февраля 1859 года, комиссия состояла в ведомстве Министерства императорского двора. Целями ее работы были сбор сведений обо всех имеющихся в государстве памятниках; производство раскопок на месте существующих древних поселений, курганов или их возможном месте нахождения; централизованное накопление открытых предметов древности и их научное исследование. Комиссии предоставлялось исключительное право следить за всеми происходящими в государстве «открытиями предметов древности»¹³.

Но поскольку Комиссия состояла всего из нескольких человек, а ее члены в основном были заняты археологическими раскопками и описанием находок, то у неё просто не было ресурсов чтобы исполнять все свои обязанности в полной мере¹⁴. Официальный орган печати МВД Российской империи газета «Северная почта» уже в 1862 году писала: «Несмотря на существующие у нас

¹⁰ РГИА Ф. 383. Оп. 14. Д. 15835. Л. 5.

¹¹ РГИА Ф. 383. Оп. 16 Д. 19445. Л. 1.

¹² РГИА Ф. 383. Оп. 22. Д. 31919. Л. 8.

¹³ Тихонов И. Л. Императорская Археологическая Комиссия: структура и кадровый состав. Российская археология. 2009 (№ 4). С. 7.

¹⁴ Там же. С. 8.

узаконення о сохранении находимых древностей, только самая незначительная доля [находок] поступает в государственные древнехранилища и делается достоянием науки; большею же частью они или совершенно пропадают или слухи о них появляются долгое время спустя после открытия, когда уже нет никакой возможности не только отыскать найденные вещи, но и собрать надлежащие сведения о том, что найдено, и о ближайших обстоятельствах, при которых сделана была находка»¹⁵.

Неразвитость охранного законодательства частично компенсировалась изданием министерствами *циркуляров – административных актов, разъясняющих и конкретизирующих применение законов местной администрацией*. Эти акты рассылались губернским властям и частично публиковались в органах печати. В 1873 году Государственный совет признал за исполнительной властью полномочия «определять в тех случаях, на которые нет отдельного предписания закона, подробности, ускользающие от законодателя»¹⁶. *Хоть право министров свободно издавать циркуляры было официально зафиксировано лишь в 1873 году, но «высшая власть закрепила только то, что давно существовало на практике»*¹⁷.

4 ноября 1866 года был издан циркуляр МВД по Департаменту общих дел «О выполнении статей Устава строительного, запрещающих кладоискательство и разрушение памятников старины»: «По сведениям, дошедшим до императорской Археологической комиссии, оказывается, что некоторые лица, получая от местных начальств дозволения отыскивать клады, под этим предлогом раскапывают курганы и городища и таким образом портят и уничтожают достойные внимания памятники древности. Вследствие сего председатель помянутой Комиссии генерал-адъютант граф Строганов просит меня сообщить губернаторам, чтобы они, согласно ст. 430 т. X, ч. 1 Свода Законов гражданских и ст. 40 и 181 Устава строительного, ни под каким видом не допускали кладоискательств и неизбежного от того разрушения памятников древности»¹⁸.

¹⁵ РГИА Ф. 1284. Оп. 55. Д. 43. Л. 4.

¹⁶ Михеева И. В. Правотворческая деятельность Министерства внутренних дел Российской империи по охране памятников истории и культуры в XIX – начале XX века (историко-правовой аспект). Монография. М.: Издательство: Растр-НН, 2009. С. 53.

¹⁷ Там же. С. 54.

¹⁸ Карпова Л. Б., Потапова Н. А., Сухман Т. П. Охрана культурного наследия в документах XVII-XX вв. Хрестоматия. Т. I. М.: Издательство «Весь Мир», 2000. С. 135.

На основании данного закона и циркуляра, дополняющего его, в 1867 году ИАК подала рапорт по поводу возбуждения уголовного дела о разрытии курганов в районе Керчи на общественных землях в Ново-Александровской волости Феодосийского уезда. В ходатайстве говорилось, что «у тамошнего еврея Обершмуклера продаются разные замечательные в художественном отношении древности, приобретённые им чрез местного спекулянта, позволившего себе тайно разрыть курганы на общественной крестьянской земле». «Я считаю необходимым прежде всего привести в ясность имеет ли вообще Обершмуклер право продавать их, а потому полагал бы просить провести формальное следствие по этому предмету и виновных в незаконном разрытии означенного кургана и продаже добытых в нём вещей предать суду», — писал председатель ИАК граф Строганов. Судебное разбирательство длилось 3 года, в результате которого единственным виновным был признан крестьянин Ярохин, обвиненный в незаконных раскопках¹⁹.

Вопрос сохранения культурного и исторического наследия всегда беспокоил российское научное сообщество. В отчёте Археологической комиссии за 1869 год отмечается, что в ИАК стали реже поступать археологические находки и ей «приходится следить за помещаемыми в столичных газетах корреспонденциями по этому предмету»²⁰. Проблема охраны археологических древностей неоднократно становилась предметом обсуждения на I-ом Археологическом съезде. Уже на открытии съезда 16 марта 1869 года А. С. Уваров в своей речи говорил о бесконтрольном и массовом разрушении уже известных памятников старины: «Такие утраты многочисленны, такое разрушение идёт быстро», но «ещё большая часть из них остаётся для нас неизвестной и пропадает совершенно бесследно»²¹. Уже тогда участникам съезда было ясно, что эффективная охрана древностей невозможна без усилий всего научного сообщества и создания специального правительственного органа, который будет следить за исполнением принимаемых законов²².

При этом, попытки использовать существовавшее законодательство в интересах науки успехов не приносили. В 1872 году председатель ИАК граф

¹⁹ О самовольном разрытии крестьянами Таврической губернии древних курганов. РГИА Ф. 1345. Оп. 268. Д. 161. Л. 8.

²⁰ РГИА Ф. 1284. Оп. 60. Д. 24. Л. 3.

²¹ Труды Первого Археологического съезда в Москве (1869). М., 1871. Изд. под ред. графа А. С. Уварова Т. 1. С. 30.

²² Там же. С. 31.

Строганов обратился к императору Александру II с предложением переработать существующий закон Российской империи, позволявший отчуждать частное имущество для государственных и общественных нужд. Например, для обеспечения прохода и проезда по большим дорогам, рекам и озёрам. Желая сохранить археологические памятники на землях Кубанского казачьего войска, отведённых офицерам и чиновникам, Строганов предложил дополнить данный закон особыми правилами по изъятию земель из частного пользования «для ограждения научных интересов государства в отношении древних курганов, зданий и городищ, находящихся на землях частных лиц»²³. Своё предложение он заключал словами: «Нельзя не прийти к заключению, что все эти ограничения вызываются насущными, так сказать, потребностями гражданской жизни, ибо в противном случае самое осуществление права собственности и правильное развитие общественного и экономического быта сделались бы не только затруднительными, но и невозможными»²⁴.

Об этом было доложено императору и II-е отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии сообщило, что «такие ограничения собственности явились бы некоторым вторжением в сферу частных прав и могли бы поколебать спокойствие и неприкосновенность частного владения». Причём Строганов предлагал не конфисковать, а лишь временно занимать земли, с последующей компенсацией владельцу причинённого ущерба. Но II-е Отделение, вполне сочувствуя опасениям Строганова об изъятии земель «замечательных в научном отношении», лишь предложило выкупать земли «на основании общих правил об отчуждении частных имений на государственные или общественные надобности»²⁵.

Но и действующие законы и циркуляры не всегда соблюдались. О многих случаях торговли древностями (особенно в провинциальных городах) ИАК выясняла из прессы совершенно случайно. В апреле 1882 года в №2212 газеты «Новое время» было напечатано известие, что в Тетюшском уезде на месте деревянного татарского города Ямбухта найден клад, состоящий из нескольких кусков серебра весом около 8 фунтов: «Археологическая комиссия на основании высочайшего утверждения о ней обратилась к Губернатору Казанскому с просьбой о высылке находки, но сделать этого не удалось»²⁶.

²³ РГИА Ф. 1261. Оп. 3. Д. 133. Л. 2.

²⁴ Там же. Л. 4.

²⁵ Там же. Л. 4.

²⁶ РГИА Ф. 1284. Оп. 60. Д. 24. Л. 3.

Слитки нашли крестьянские мальчишки, но крестьяне Ибрагим и Шамсутдин Фехретдиновы их отняли. Сами они также нашли несколько слитков, но не передали начальству, как предписывалось законом. Только один слиток, который остался у мальчиков, был доставлен губернатору Казани генерал-лейтенанту Александру Константиновичу Гейнсу. Но и он не передал его в ИАК, как того требовал закон, а продал частному лицу доктору Высоцкому за 15 рублей. Остальные слитки братья Фехретдиновы вскоре сбывли неизвестному проезжему торговцу. За это их оштрафовали на 50 рублей каждого²⁷.

В том же 1882 году поступило ходатайство Тобольскому губернатору Лысогорскому Владимиру Андреевичу от его сына статского советника Лысогорского Владимира Владимировича о разрешении некоему чиновнику Пузику и купцу 1-й гильдии Эль Калману Каплану производить раскопки курганов в Курганском и Ялуторовском округах, находящихся в государственных землях «на собственный счёт»²⁸. А степень ценности кургана для науки определялась чиновниками со слов местных жителей и для этого не привлекались профессиональные археологи²⁹.

По закону, все найденные в курганах древности, которые искатель пожелал бы взять себе, предварительно должны были быть предъявлены лицам, которые будут назначены уездными начальниками для наблюдения за раскопками. Но наблюдать за раскопками назначали станичных старшин или поселковых атаманов и сохранность древностей держалась на честном слове чиновников и коммерсантов. Это естественно приводило к массовым расхищениям и злоупотреблениям ответственных лиц. А находки попадали на антикварный рынок и ярмарки с фальшивым паспортом или вообще без него³⁰.

Главным ограничителем таких грабительских раскопок по-прежнему были циркуляры МВД. В результате ходатайства Археологической комиссии от 31 июля 1882 года, МВД издало циркуляр о необходимости представлять находки археологического характера местной полицейской власти, а затем через

²⁷ Там же. Л. 4–6.

²⁸ РГИА Ф. 1291. Оп. 53. Д. 5. Л. 66.

²⁹ Там же. Л. 74–75.

³⁰ Смирнов Я. И., Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. Издание Императорской Археологической Комиссии ко дню 50-летия её деятельности. СПб: [2-го февраля] 1909. С. LXXI.

губернское начальство в ИАК. Другой циркуляр министерства от 31 мая 1884 года предписывал губернаторам точно и непременно соблюдать прежние циркулярные распоряжения. А циркуляр МВД от 27 ноября 1886 года запрещал проведение всякого рода раскопок на казенных, церковных и общественных землях без специального разрешения Археологической комиссии³¹.

Археологическую комиссию также беспокоили неконтролируемые раскопки, которые проводились иностранцами. В парижском археологическом журнале «Revue Archeologique» за январь и февраль 1885 года вышли статьи французского путешественника Бапста о раскопках, произведённых им на Кавказе в 1883 году, где он описывает не только сами раскопки, но и покупки различных древностей, которые он вывез в Париж. Также он описывает большой памятник восточного искусства, который он ещё намеревался вывезти в Париж³².

Когда в 1885 году ИАК стало известно об этом, Комиссия, «занятая отслеживанием раскопок и принятием мер к ограничению наших памятников древности от повреждений и расхищений обратилась в Департамент общих дел МВД» с просьбой сообщить кто, на каком основании и когда выдал разрешение на раскопки и вывоз древностей из страны. Открытый лист был выдан Бапсту генералом-адъютантом начальствующим гражданской частью на Кавказе в 1883 году, поскольку он «был командирован французским правительством с научной целью»³³. Хотя уже циркуляр МВД от 31 июля 1882 года обязывал представлять находки, имеющие археологический характер, в местную полицию, а затем через губернские власти направлять в ИАК.

Ещё на заседаниях VI археологического съезда в 1884 году, А. И. Свирелин предлагал возложить охрану памятников старины на их владельцев (учреждения, ведомства, частных лиц), создав уездные археологические советы из местных учителей под руководством члена одного из археологических обществ, а К. И. Турчаковский выступил с идеей создания специализированного общества для сохранения древних памятников по аналогии с подобными европейскими организациями. Идею поддержали

³¹ Николаева Н. С. Роль Археологической комиссии в формировании музейных собраний во второй половине XIX в. Вопросы музеологии. 2013. № 2 (8). С. 117.

³² РГИА Ф. 1284. Оп. 60. Д. 5. Л. 8.

³³ Там же. Л. 16.

участники съезда³⁴.

Следующим важным этапом в вопросе охраны древностей стало Высочайшее повеление от 11 марта 1889 г., в соответствии с которым Археологической комиссии давалось «Исключительное право производства и разрешения, с археологической целью, раскопок в Империи, на землях казённых, принадлежащих разным установлениям и общественных. Все учреждения и лица, предполагающие производить подобные раскопки, обязаны, независимо от сношения с начальством, в ведении которого состоят упомянутые земли, входить в предварительное соглашение с Императорской Археологической Комиссией. Открываемые при раскопках ценные и особо важные в научном отношении предметы должны быть присылаемые в Императорскую Археологическую Комиссию, для представления на Высочайшее воззрение»³⁵.

Однако исполнение нового закона оставляло желать лучшего. Ещё в 1888 году прусский подданный Виллибальд Иоппих через Министерство иностранных дел получил от генерал-губернатора Гродно разрешение на «розыскание клада в полотне состоящей в ведении Министерства путей сообщения казённой шоссеиной дороги»³⁶. Разрешение выдавалось сроком на два года. В нём говорилось, что «раскопки должны производиться с участием представителей местной казённой палаты и прокурорского надзора. Самый же клад был бы доставлен под конвоем чинов полиции в Белостокское отделение Государственного банка для приведения в известность размера одного и хранения впредь до дальнейших распоряжений правительства»³⁷.

Хоть Высочайшее повеление от 11 марта 1889 года запрещало археологические раскопки на государственных и общественных землях без санкции ИАК, но в 1890 году Виллибальд Иоппих получил новое разрешение напрямую от местных властей. Не воспользовавшись им за два года, в 1892 году он через МИД подал новое ходатайство, которое было вновь удовлетворено. И только когда Виллибальд Иоппих в 1894 году подал очередное ходатайство, оно попало в ИАК и ему отказали на основе закона от 11 марта 1889 года. «ИАК не

³⁴ Шаманаев А. В., Зырянова С. Ю. Охрана культурного наследия в Российской империи: учебное пособие. Науч. ред. А. С. Мохов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 87.

³⁵ Отчёт Императорского Археологического Общества. Вып. за 1889 год. СПб: Тип. Гл. упр. уделов, 1892. С. 3–4.

³⁶ РГИА Ф. 1284. Оп. 51. Д. 74. Л. 16.

³⁷ Там же. Л. 18.

находить возможным разрешать раскопки с целью отыскания кладов, как занятия, не имеющие научного значения и никогда не оправдывающегося на деле во всяких тех случаях, когда подобные кладоискательства разрешались и даже сопровождалась Правительственной субсидией»³⁸. Однако в данном случае на исполнение этого закона потребовалось более 5 лет. Как и в случае с раскопками курганов Сибири, у ИАК не хватало ресурсов, чтобы в полной мере проконтролировать подобные раскопки и удостовериться в сохранности найденных древностей.

В Российской империи с 1863 по 1904 год возникло 35 научно-исторических обществ: Московское археологическое общество (1864), Русское историческое общество в Санкт-Петербурге (1866), Русский археологический институт в Санкт-Петербурге (1877) и многие другие. «Во главе многих обществ стояли влиятельные в правительственных кругах люди»³⁹, тогда как покровителями этих обществ становились императоры или члены императорской семьи, но они как правило занимались не научной деятельностью, а помогали решать организационные вопросы. Однако участие высокопоставленных лиц не могло улучшить ситуацию с охраной археологических памятников.

ИАК признавала удручающее положение дел во всех регионах империи, указывая, что охрана древностей не может быть уделом частных лиц: «наши древности расходятся во множестве по различным коллекциям и стали предметом спекуляции», тогда как «в других государствах давно уже стало аксиомой, что для успешного надзора за историческими памятниками надзор должен осуществляться только государственными учреждениями, а не частными обществами...»⁴⁰.

Но, несмотря на Высочайшее повеление от 11 марта 1889 года, в ИАК поступало всё больше жалоб на постоянно возрастающее число разграблений курганов, могильников и городищ, расположенных на государственных и общественных землях. Комиссия отметила, что из-за отсутствия надлежащего полицейского надзора «хищнические, недозволенные раскопки производятся самым откровенным образом в ужасающих размерах». В пример приводились керченские антикварные лавки, «переполненные древностями, иногда очень

³⁸ Там же. Л. 22.

³⁹ Шаманаев А. В., Зырянова С. Ю. Охрана культурного наследия в Российской империи: учебное пособие. Науч. ред. А. С. Мохов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 63.

⁴⁰ Отчёт Императорского Археологического Общества. Вып. за 1889 год. СПб: Тип. Гл. упр. уделов, 1892. С. 2-3.

ценными»⁴¹.

Директору Керченского музея древностей Владиславу Шкорпилу приходилось выкупать за личные средства многие древности, которые активно разграблялись «счастливчиками». Сохранились воспоминания керченских «счастливчиков» о том, как он не давал им спокойно заниматься грабежом: «саркофаг мы принесли домой. Но кто-то донес директору музея Шкорпилу. Если бы директор приехал до нас и сказал: «Ребятки, отдайте. Это саркофаг», – то мы бы ему отдали, но он заявил в полицию. Так мы его, этот саркофаг, ночью разобрали и раскидали кругом. Но ведь все знали, что я копаю, и нас присудил мировой судья семью суток сидеть. Мы, недовольные, подали в Феодосийский уездный суд, через две недели судили нас вторично»⁴².

Даже попытки полиции привлечь нарушителей закона к ответственности зачастую оканчивались либо оправданием копателей, либо наказание было настолько лёгким (до 7 суток ареста), что «скорее поощряли их продолжать свои хищнические раскопки, чем прекращать их, отнимая у преследующих охоту к дальнейшему бдительному надзору»⁴³.

Тем не менее, за 1896 год в Керчи было осуждено 36 грабителей⁴⁴.

Помощь полиции осложнялась тем, что российское законодательство разграничивало клад, который подпадал под 430 статью Гражданского законодательства и археологическую находку подпадающую под 538 и 539 статьи Гражданского законодательства. Находкой «считалось обретение вещей и других движимых имуществ, которых владелец неизвестен»⁴⁵. И в соответствии с 538 и 539 статьями все археологические находки оставались нашедшему. Данное положение действовало как до публикации закона 1889 года, запретившего раскопки на государственных и общинных землях, так и после. Правоприменительная практика за 1885 год показывает, что случайные находки, совершённые крестьянами на казённых землях, власти оставляли за

⁴¹ РГИА Ф. 1284. Оп. 60. Д. 58. Л. 2.

⁴² Лазенкова Л. М. Керченский музей древностей. Исследователи. В.В. Шкорпил. Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Сборник научных материалов III Боспорских чтений. Керчь, 2002. С. 148–150.

⁴³ РГИА Ф. 1284. Оп. 60. Д. 58. Л. 2.

⁴⁴ Боровкова В. Н. Коллекционеры и торговцы керченскими древностями. Керчь: Издательство: Фонд Деметра, 1999. С. 138.

⁴⁵ Свод Законов Российской Империи. Том X: 1912: [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/211/60.html> (дата обращения 25.01.2021)

ними⁴⁶. Ведь даже если удавалось установить, что древности найдены на государственной земле, то нужно было доказать, что проводились именно целенаправленные раскопки.

В то же время, при сохранении легального рынка антиквариата было практически невозможно доказать, что те или иные древности добыты незаконным путём. В 1890-е годы ИАК предложила ужесточить ответственность за нарушение закона от 11 марта 1889 года, а также полностью запретить кладоискательство и установить строгую ответственность за утайку не только кладов, но и археологических находок⁴⁷. Однако никаких поправок в законодательство внесено не было и Комиссия могла лишь констатировать «равнодушие местной полиции к охране древностей или сознание представителями своего полного бессилия в борьбе с кладоискательством»⁴⁸. И так как наказания ограничивались штрафами или непродолжительными арестами, а преступники в любой момент могли уничтожить улики, то государственным учреждениям и историческим обществам приходилось мириться с торговцами древностями даже откровенно незаконного происхождения.

В Известиях ТУАК за 1890 год отмечалось, что у одного обывателя Керчи Ермолая Запорожского имеются древности, «которые он приобретает от случайных находок и держит для продажи». У него имеется несколько надгробных плит с древнегреческими надписями и почти все камни, по словам Ермолая Запорожского, найденные над татарской слободкой на общественных землях в 1889 году⁴⁹. В одном только 1891 году ИАК приобрела у него древностей на 5000 рублей⁵⁰.

В 1897 году ИАК направила в Управление государственными имуществами письмо с обозначением необходимости «принять меры к прекращению в Кубанской области раскопок курганов, производимых местными жителями хищническим образом, лишивших науку и государственные хранилища многих драгоценных памятников древности»⁵¹. Профессору Веселовскому

⁴⁶ РГИА Ф. 1284. Оп. 60. Д. 192. Л. 7.

⁴⁷ Там же. Л. 3–4.

⁴⁸ Там же. Л. 5.

⁴⁹ Ящуржинский Х. Керченские древности. Известия Таврической Учёной Архивной Комиссии. Вып. № 10 (год четвёртый). Под редакцией О. Лашкова. Керчь: Тип. Газеты «Крым», 1890. С. 115.

⁵⁰ РГИА Ф. 468. Оп. 13. Д. 1076. Л. 7.

⁵¹ РГИА Ф. 378. Оп. 6. Д. 35850. Л. 3.

поручили выяснить причины этого «хищничества». Как он сообщал в ИАК, выяснилось, что местные жители производили раскопки курганов в большинстве случаев в лесах, принадлежащих казённым лесничествам, предварительно договариваясь с объездчиками этих лесов, «потворствовавшими кладоискателям»⁵². «И всё это развилось в откровенное хищничество в Майкопском отделе Кубанской области, в регионах станиц Ярославской, Костромской, Махошевской и Царской». ИАК потребовала произвести дознание и привлечь к ответственности виновных в нарушении Высочайшего повеления от 11 марта 1889 года⁵³.

В Управлении государственными имуществами «приняли к сведению» информацию профессора Веселовского, но проведя собственный осмотр «выяснили», что курганов у них никто не копает, и в обозначенном районе их очень мало: «У одного вершина изрыта на полсажени, а вершина другого на один аршин очень давно, неизвестно когда и кем». Ответ завершился словами: «обязуюсь вменить чинам лесной стражи в обязанность не допускать никого к раскопкам курганов в охраняемых ими местностях»⁵⁴.

5 января 1916 года в станице Таманской Кубанской области казаки тайно раскапывали курганы. В одной из этих каменных гробниц, крытой поперёк длинными толстыми плитами, был обнаружен мраморный саркофаг, который под присмотром прибывшего на раскопки Шкорпила был доставлен в Таманскую Вознесенскую церковь. А вот саму гробницу казаки полностью разобрали в поисках тайников с золотом. Ничего не найдя они, ещё до приезда Шкорпила, забрали с собой закрывавшие его плиты и продали их в станице⁵⁵. Самовольные раскопки курганов крестьянами также не были редкостью. В отчётах И. М. Новицкого о раскопках в Ярославской губернии за 1904, 1912 и 1913 годы содержатся сведения о продолжающемся разрушении некрополя, входящего в состав Тимерёвского археологического комплекса — могильника у деревни Гончарово. За предшествовавшие 5 лет местные крестьяне раскопали несколько курганов: «Результатом таких раскопок явилось несколько испорченных курганов ямами на вершине и склонах, но, по-видимому,

⁵² Там же. Л. 6.

⁵³ Там же. Л. 6.

⁵⁴ Там же. Л. 8.

⁵⁵ Случайные находки и приобретения за 1916 и 1917 годы (с 13 рис.). Известия Императорской Археологической Комиссии. 1918. № 65. С. 166–167.

недокопанных». В нескольких местах курганы были запаханы крестьянами⁵⁶. Подводя итог российской правоприменительной практики в области сбережения археологических древностей, следует отметить, что «российское законодательство об охране историко-культурного наследия имело существенные лакуны»⁵⁷. Несмотря на ограничение раскопок на государственных и общественных землях, власти не шли на уступки научному сообществу по ограничению права частной собственности, чтобы не создавать опасный для землевладельцев прецедент.

Однако, проблема скрывалась не только в несовершенстве законодательства. Порой не соблюдалось уже действующее законодательство, а циркуляры МВД, направленные на охрану памятников древности, игнорировались губернскими властями. Нарушение же законов и циркуляров МВД не влекло за собой серьёзных последствий. Раскопки самого разного масштаба проводились частными лицами, включая иностранцев, практически полностью игнорируя ИАК и при попустительстве местных властей.

Всё это до самого краха Российской империи позволяло существовать легальному рынку археологических древностей, который наполнялся древностями, добытыми в том числе и незаконным способом. Проблема незаконной добычи и торговли древностями в Российской империи второй половины XIX века и начала XX века заслуживает более пристального изучения. В перспективе следует определить способы приобретения древностей и оценить масштабы явления, включая денежное его выражение.

PhD-Candidate Dmitriy Kozlovskiy (Saint Petersburg, Russian Federation)

Protection of archeological heritage and problems of law enforcement in the Russian Empire during the second half of the XIX – beginning of the XX centuries

This article makes a contribution toward the problem of violation of protective legislation in Russian Empire. This work relies for a large part on Russian archival documents found in the Russian Historical Archive and the library and archives of the Institution of Culture Resources, and analysis of memoires, legal acts and scientific publications. Such excavations were mostly active after 1861 and there is an analysis of particular cases of both direct violation and circumvention of the protection legislation. This

⁵⁶ РО НА ИИМК РАН Ф. 1. Оп. 1. 1912. Д. 169. Л. 3; РО НА ИИМК РАН Ф. 1. Оп. 1. 1913. Д. 41. Л. 8; РО НА ИИМК РАН Ф. 1, Оп. 1. 1904. Д. 117. Л. 1.

⁵⁷ Шаманаев А. В., Зырянова С. Ю. Охрана культурного наследия в Российской империи: учебное пособие. Науч. ред. А. С. Мохов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 87.

article leads to a better understanding of illegal or semi-legal excavations on public lands and shows the reaction of both the scientific community and officials of various departments. Protective legislation couldn't solve the problem of destruction of archaeological sites, and government tried to compensate it with special decrees. But local authorities often either ignored them, or executed carelessly. It allowed private individuals, with no relation to archaeology, to conduct excavations on public lands for commercial purposes with almost no restrictions. Archival materials show that even foreigners could engage in treasure hunting in violation of current legislation, but with the direct permission of the authorities. And the scientific community did not have human and financial resources to prevent it promptly. The article also emphasizes that the existing legislation preserved huge gaps that were used by robbers and merchants. On the other hand, attempts of scientific community to use certain laws to their advantage were suppressed at the highest level when it encroached interests of the landowners. The responsibility for tomb raiders was penalty and a few days of arrest. So archeologists were forced to bargain with them without involving the police. Analysis of periodicals, notes of Russian archaeologists and archival data allows us to conclude that the trade in antiquities was extremely widespread, profitable and involved all layers of Russian society from peasants to merchants and landowners. But private land property and property of antiquities found on it, allowed legal antique market to fill it up with archeological antiquities of various origins, including illegal ones. And despite the devastating consequences, the authorities of the Russian Empire did not suppress it, because this would require violation of the rights of landowners.

Key words: protection of cultural heritage, trade of antiquities, illegal excavations, protective legislation, history of Russia.

Дмитрий Козловский (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Проблемы исполнения законодательства Российской империи по охране археологических памятников во второй половине XIX – начале XX вв.

Данная статья посвящена проблеме нарушения законодательства Российской империи по охране археологических памятников. Работа основана на анализе научных публикаций, законодательных актов, записок современников и материалов из архивов РГИА и ИИМК РАН. Рассматриваются различные случаи незаконных или полуполюгальных раскопок на государственных землях. Анализ архивных материалов позволяет говорить, что незаконная добыча и торговля археологическими древностями наибольшее распространение приобрели в пореформенный период. В статье на конкретных примерах показаны способы, как прямого нарушения, так и обхода охранного законодательства, охарактеризованы реакции как научного сообщества, так и государственных чиновников различных ведомств. Действовавшее охранное законодательство не могло решить проблему разрушения археологических памятников, и правительство старалось компенсировать это различными

дополнительными циркулярными распоряжениями. Однако власти на местах часто их игнорировали или недобросовестно исполняли. Это позволяло частным лицам, не имеющим отношения к археологии, проводить раскопки на государственных землях с коммерческими целями практически безо всяких ограничений. Архивные материалы показывают, что даже иностранцы могли заниматься кладоискательством в нарушение действующего законодательства, но по прямому разрешению властей. А у научного сообщества не было материальных и человеческих ресурсов, чтобы это своевременно пресекать. Также в статье подчёркивается, что уже действовавшее законодательство сохраняло огромные лакуны, которыми пользовались грабители и торговцы. Попытки научного сообщества использовать некоторые законы в своих интересах пресекались на самом высоком уровне, когда это затрагивало интересы землевладельцев. За грабительские раскопки грозил только штраф и несколько суток ареста и учёные были вынуждены договариваться с грабителями, не привлекая полицию. Анализ, периодической печати, заметок российских археологов, а также архивных данных позволяет сделать вывод, что торговля археологическими древностями была чрезвычайно распространена, прибыльна и охватывала все слои российского общества – от крестьян до купцов и помещиков. А неприкосновенность частных землевладений и, следовательно, найденных на ней древностей, позволяла легальному антикварному рынку России пополняться древностями самого разного происхождения, в том числе и незаконного. И несмотря на разрушительные последствия, власти Российской империи не пресекли её, поскольку это потребовало бы ущемления прав землевладельцев.

Ключевые слова: охрана культурного наследия, торговля древностями, незаконные раскопки, охранное законодательство, история России.

Дмитро Козловський (Санкт-Петербург, Російська Федерація)

Проблеми виконання законодавства Російської імперії з охорони археологічних пам'яток у другій половині XIX – на початку XX ст.

Дана стаття присвячена проблемі порушення законодавства Російської імперії з охорони археологічних пам'яток. Робота заснована на аналізі наукових публікацій, законодавчих актів, записок сучасників і матеріалів з архівів РГІА та ІМК РАН. Розглядаються різні випадки незаконних або напівлегальних розкопок на державних землях. Аналіз архівних матеріалів дозволяє говорити, що незаконний видобуток і торгівля археологічними старожитностями найбільшого поширення набули в пореформений період. У статті на конкретних прикладах показані способи, як прямого порушення, так і обходу охоронного законодавства, охарактеризовані реакції як наукової спільноти, так і державних чиновників різних відомств. Діюче охоронне законодавство не могло вирішити проблему руйнування археологічних пам'яток, і уряд намагався компенсувати це різними додатковими циркулярним

розпорядженнями. Проте влада на місцях часто їх ігнорували або несумлінно виконувала. Це дозволяло приватним особам, які не мали відношення до археології, проводити розкопки на державних землях з комерційними цілями практично без жодних обмежень. Архівні матеріали свідчать, що навіть іноземці могли займатися пошуками скарбів, порушуючи чинне законодавство, але маючи, при цьому, прямий дозвіл влади. А у наукового співтовариства не було матеріальних і людських ресурсів, щоб це своєчасно припиняти. Також в статті підкреслюється, що вже діюче законодавство зберігало величезні лакуни, якими користувалися грабіжники і торговці. Спроби наукового співтовариства використовувати деякі закони в своїх інтересах припинялися на найвищому рівні, коли це раптово зачіпали інтереси землевласників. За грабіжницькі розкопки погрожував тільки штраф і кілька днів арешту. Тож учені були змушені домовлятися з грабіжниками, не привертаючи поліцію. Аналіз, періодичної преси, заміток російських археологів, а також архівних даних дозволяє зробити висновок, що торгівля археологічними старожитностями була надзвичайна поширена, прибуткова і охоплювала всі верстви російського суспільства - від селян до купців і поміщиків. А недоторканність приватних землеволодінь і, отже, знайдених у їхніх межах старожитностей, дозволяла легальному антикварному ринку Росії поповнюватися старожитностями різного походження, в тому числі і незаконного.

Ключові слова: охорона культурної спадщини, торгівля старожитностями, незаконні розкопки, охоронне законодавство, історія Росії.

* **Козловский Дмитрий Вячеславович** – аспірант кафедри археології Санкт-Петербурзького державного університета.

E-mail: st063838@student.spbu.ru